

DİLÇİLİK ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

Валида Джавид гызы Исазаде
Бакинский славянский университет

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКА ЗАКОНА (20-30-ые годы XX в.)

Ключевые слова: Октябрьская революция, язык права, советская власть, периодическая печать, законодательная техника, юридическая терминология, терминологическая точность, юридическая лингвистика.

Açar sözlər: Oktyabr inqilabi, qanun dili, sovet hakimiyyəti, dövrü mətbuat, qanunvericilik texnikası, hüquq terminologiyası, terminoloji dəqiqlik, hüquqi lingvistikası.

Key words: The language of law, October Revolution, printed media, legislative mechanism, availability, clarity of the message, precision of terms, legal linguistics.

На страницах газет и юридических журналов в 20 – 30-е годы XX в. было опубликовано немало интересных статей, не утративших своего значения и сейчас. Мы обратились к этому малоисследованному материалу, важному для анализа лингвистики законодательных текстов первых послереволюционных десятилетий.

Среди авторов работ, посвящённых языку закона, были известные учёные-юристы. Так, М.М.Исаев работал деканом юридического факультета МТУ, Н.В.Крыленко был директором Всесоюзного института юридических наук (12, с. 15, 279).

В статью включены материалы малоизвестных авторов, отчасти забытые, в которых поднимались актуальные проблемы, связанные с формированием языка законодательных документов.

Язык закона одна из актуальных проблем в русском и европейском правоведении. Ещё в XVIII в. французский просветитель Ш.Монтескье в своём труде «О духе законов» сформулировал ряд правил, необходимых для разработки законов (5, с. 51 – 54).

Вопросы взаимосвязи права и письменности, качества правовых текстов затрагивались в работах представителей исторической школы права, в частности, германского правоведа Г.Пухты (1798 – 1846). Исследуя лингвистическую природу права, Г.Пухта так определял соотношение между качеством права и языком его изложения: «каково содержание права, таковы выражения и язык» (7 с. 33).

В работах российских правоведов дореволюционного времени, посвящённых исследованию языка права, главное внимание уделялось интерпретации основных юридических понятий, правовых терминов. Российская правовая наука в конце XIX – начале XX в. придавала большое значение процессу создания рациональных и точных обозначений наиболее важных юридических понятий. В трудах выдающихся русских учёных-правоведов Б.А.Кистяковского, Л.И.Петражицкого, Г.Ф.Шершеневича, Б.И.Чичерина, Е.Н.Трубецкого семантическому анализу подвергаются термины *право, закон, преступление, наказание* и др.

Октябрьская революция привела к стремительному обогащению словарного состава русского языка, пополнению его новыми словами и понятиями.

Анализируя язык революционной эпохи, А.М.Селищев отмечал: «Такое социальное явление, как революция и революционные мероприятия, должны были сильно отразиться на разных сторонах языковой жизни общества. При этом сильнее переживают изменения те общественные группы, которые ближе стоят к революционной деятельности, охвачены ею и принимают активное участие в ней» (10, с. 141).

«Революция вызвала появление тысяч новых слов и выражений, новых понятий, порождённых новой экономикой, новым государственным строем, приходом к управлению сотен тысяч и миллионов трудящихся», - писал М.Исаев в журнале «Советское право» (20, с. 14).

Процесс обновления словарного состава языка нашёл своё отражение и в нормативных документах. Октябрьская революция создала предпосылки для формирования нового

законодательного языка. «Разговаривать с населением Советского союза языком старых законодательных актов, языком канцелярий и бюрократических управлений уже нельзя, это просто было бы смешно», - подчёркивал, указывал А.Лаптев в журнале «Советское строительство» (22, с. 140).

В новом революционном правительстве руководящие позиции занимали люди, получившие юридическое образование, хотя среди революционных деятелей было и немало лиц, не владевших нормами литературного языка.

В разработке законодательных документов новой власти, как и при создании «нового языка, созвучного эпохе, языка фабрик и заводов, языка металла, краткого, экономного, сильного и волевого» (24, с. 14) участвовали не только профессиональные юристы, но и не профессионалы, «призванные революцией вершить государственные дела» (6, с. 54).

Н.В.Крыленко в статье, посвящённой судебной реформе, принятой на IV сессии ВЦИК (1922), обратил внимание на то, что «народный суд с двумя народными заседателями <...> избирается местным Советом без предъявления к судье и заседателям требований какого бы то ни было образовательного ценза <...>. Этим резко подчеркивалась классовая природа нового суда в отличие от классовой природы старых судей» (21, 1, 52).

Вовлечение в законотворческую работу широких масс трудящихся, не имевших специального образования, не могло не отразиться на языке законов. Создатели нормативных документов, охваченные идеей провозглашения новых юридических норм, как правило, мало считались с тем, как именно будут словесно выражены новые законы.

Призывая к совершенствованию законодательной техники, Ал.Винавер писал: «Отвлечённый мыслью о том, что должна провозгласить новая юридическая норма, вступающая в мир, законодатель недостаточно считается с тем, как именно будет выражена идея этого закона» (16, с. 51).

Новое законодательство отказалось, в первую очередь, от терминов, связанных с прежней государственной властью, административным аппаратом старого строя. Вышли из употребления названия административных должностей и учреждений. Некоторые номинации стали употребляться с постоянными эпитетами: *революционный командир*, *военно-революционный суд* и др. Приобрели социальные оттенки значения ряда слов, например: *товарищ* <член своей политической партии (в языке революционных партий, в особенности – коммунистов), член советского общественного коллектива>; *партийный* <член Всесоюзной коммунистической партии большевиков>: по выражению А.М.Селищева, «принадлежащий к коммунистической, а не к какой-нибудь другой партии» (9, с. 143).

В законодательные документы были введены термины, отражавшие новый правовой порядок, коренные изменения, которые произошли в судебной системе в целом.

В законодательных актах Советского правительства широко употреблялись иноязычные термины, многие из которых претерпели семантические трансформации и изменения коннотативного характера: *буржуазия*, *дискуссия*, *кассация*, *комитет*, *комиссар*, *изоляция*, *инвентарь*, *мандат*, *прокурор*, *организация*, *спекуляция*, *экстерриториальность* и др. По этому поводу известный французский социолог Ж.Карбонье писал, что несмотря на «революционный пересмотр в Советском союзе законодательства, создатели новых нормативных актов употребляли латинские термины, укоренившиеся в правовом языке европейских стран, использовали «понятийный аппарат, который восходит к римскому праву» (3, с. 176).

Многое было взято из терминологии дореволюционных правоведов. Наблюдения над языком основных нормативных источников показывают, что в словаре послереволюционного периода было немало слов иноязычного происхождения, для которых в языке существовали и русские соответствия: *кодекс* (свод), *конституция* (основной закон) и др.

Отсутствие общепринятой терминологии, единых обозначений для одних и тех же понятий, включение иностранных слов в нормативные акты без соответствующей мотивации подвергались резкой критике со стороны исследователей языка закона, что находило отражение в прессе: «Русский язык богат равнозначными, вполне удовлетворительными обозначениями: *свод*, *положение*, *устав* и т.п., и совершенно непонятно, почему русский крестьянин должен был за разъяснением своих прав обращаться к Земельному кодексу, а не к земельному, скажем, уставу или положению» (18, с. 80).

Революционная деятельность новой власти, направленная на кардинальные изменения системы государственного управления, проявилась в новой форме нормативно-правовых актов – *декретах*, заимствованных у законодателей Великой Французской революции, пропагандистский опыт которых

был использован большевиками. Латино-французским термином *декрет* в период Великой Французской революции обозначали постановления Учредительного и Законодательного собраний (См.: 2, с. 41).

Термин *декрет* (от лат. *decretum*) <решение, постановление> в первые годы после революции использовался в значении, близком термину *прокламация* <призыв, провозглашение>.

В 1917 – 1918 гг. форму законодательства определяли прежде всего политические особенности революционного законодательства большевиков. «Пытаясь удержаться у власти, революционеры искали поддержки у населения и в этом использовали опыт предшественников, прежде всего законодателей Великой Французской революции» (15, с. 100).

В первые годы Советской власти слово *декрет* применялось в качестве синонима термина *закон*, хотя на практике термином *декрет* назывались только акты съездов Советов, ЦИК и СНК, независимо от их содержания. Новой властью были приняты декреты, охватывающие разные сферы жизни общества: декреты «О земле», «О суде», «О спекуляции» и др.

Необходимость создания декларативных начал в постреволюционном законодательстве в 20-е годы активно отстаивалась на страницах периодической печати: «Революционным эпохам свойственны декларации. «Революционная власть сжато формулирует положения, резко выдвигающие и ярко подчеркивающие новое, приходящее на смену старому. Агитационное значение таких деклараций огромно», - писал М.Исаев в статье «Декларативные статьи уголовного кодекса» (19, с. 24).

Акты законодательного характера приобретали форму лозунгов, воззваний, обращений ко всему населению или к отдельным его группам, побуждая их к «революционной самостоятельности и революционному почину» (Там же).

Декларативный характер носили не только декреты Советской власти, но и статьи нормативных актов, например, уголовного кодекса (См.: 18, 24, 25 и др.).

Начиная с 1923 года, термин *декрет* заменяется русским словом *постановление*.

Необходимость совершенствования законодательной техники в 20 – 30-е годы XX в. определялась в немалой степени стремлением сделать закон доступным и ясным, понятным для широких кругов населения. Главными условиями понятности закона считались простота словаря законодателя и простота употребляемых им речевых оборотов (19, с. 80).

Борьба за чистоту языка закона сопровождалась оживлёнными дискуссиями в периодической печати, нередко приобретавшими острый и непримиримый характер. Критический настрой статей усиливается в 30-е годы. Авторы статей призывали к беспощадной борьбе с «бюрократическими выкрутасами», «плетением словес», «трафаретами» и «словесными штампами», утратившими свой первоначальный смысл, что приводило к неправильному толкованию закона. «Наш официальный текст также очень часто становится жертвой совершенно неумеренного пристрастия к превосходным степеням, а также эпитетам и сочетаниям для выражения колоссальности и величественности», «суровейшая мера»; «широчайшие массы», «самым решительным образом», «важнейшее мероприятие», - писал Вл.Соколов в статье «Борьба за культуру» (25, 5).

Некоторые материалы призывали к преодолению «отвращения касты жрецов юриспруденции к ненужной вульгаризации законов, которые должны были быть в полной мере доступны к использованию «каждой кухаркой в управлении государством» (21, 19). Народу с объективными трудностями, связанными с созданием законодательного языка, отражавшего коренные изменения в социально-экономической и классовой структуре общества, были и субъективные причины недостатков языка юридических документов. Например, как отмечал А.А.Ушаков, «отсутствие в достаточном количестве опытных работников, весьма сильное влияние традиции и др.» (14, с. 41).

В периодической печати приводились многочисленные примеры нарушения ясности и доступности изложения, например, в ст. 30 Земельного кодекса, приводимой И.Ильинским: «В исключительных случаях предельный срок аренды может быть с разрешения волостных исполнительных комитетов удлинён, но не свыше срока 2-кратного севооборота, а при отсутствии правильного севооборота – не более 6 лет, причём, если и по истечении этих сроков сдатчик окажется не в состоянии вести самостоятельно хозяйство на сдававшейся в аренду земле, то дальнейшее разрешение на сдачу земли в аренду может быть произведено лишь с разрешения уездных земельных органов, в противном случае земля зачисляется в местный запасный фонд для удовлетворения потребности в земле других членов данного общества» (18, с. 83).

Или другой пример, «запутанного и с трудом поддающегося усвоению текста» 109 ст., приводимой Ушаковым из Уголовного кодекса: «Злоупотребление властью или служебным положением, т.е. такие действия должностного лица, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению, и которые, не вызываясь соображениями служебной необходимости, имели своим последствием нарушение правильной работы учреждения или предприятия или причинили ему имущественный ущерб, или повлекли за собой нарушения общественного порядка или охраняемых законом прав, и интересов отдельных граждан, если эти действия совершались должностным лицом систематически или из соображений корыстных, или иной личной заинтересованности, или хотя бы и не повлекли, но заведомо для должностного лица могли повлечь за собой тяжёлые последствия, - влечёт за собой лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев» (18, с. 85).

Проблема официального языка, в частности, языка закона, начиная с первых послереволюционных лет заняла на страницах газет и журналов одно из главных мест. «Закон, несущий в массу культурное содержание, должен быть непременно образцово культурным и по своей словесной форме. Каждое слово закона должно быть предельно полновесно и полноценно», - призывали юридические журналы (25, с. 5).

Требование поставить «вопрос о достижении «понятности» языка закона на «практические рельсы», исходило, по мнению наиболее активных сторонников упрощения нормативных текстов, «из потребности установления самой тесной и непосредственной связи между правительством и трудящимися как одного из основных условий работы советской власти, неустанно развивающей и популяризирующей все свои мероприятия».

Так, И.Елизаров в статье, посвящённой языку закона, писал: «Необходимо законы излагать так чтобы они могли быть легко доступны и понятны каждому рабочему и крестьянину» (17, с. 21). На важность проблемы доступности языка закона указывал и М.Презент: «У нас не может быть языка для узкого круга людей. Мы привлекаем к управлению государством миллионы, которые должны понимать язык законов» (23, с. 42).

Рекомендации по улучшению языка закона касались разных сторон языковой структуры нормативного текста. Больше всего нареканий вызывал синтаксис: «Искривления законодательного языка заключаются в длинных периодах, громоздком строении фраз. Нагромождаются однообразные формы (одинаковые падежи), теряется чёткость взаимоотношения форм». На страницах газет и журналов приводились статьи законов, написанных «затхлым языком канцелярской фразы, в которых, как писал один из авторов, «подлежащие отделены от сказуемого бесчисленным количеством предложений так, что, если прочитать фразу до конца, то неизбежно забудешь начало, а будешь перечитывать, вспоминать начало – забудешь конец». Например, «Проектирование организации производства стройработ имеет целью индустриализацию производства стройработ и функциональное разделение трудовых процессов». «Забронирование оборотных средств увязкой их в капиталовложения и обратно» (Постановление НКЗема № 190). «Хлопкосырьё заключает по линии приобретения хлопка генеральный договор с Заготхлопком... Заготшерсть строит свои договорные отношения по аналогии с договорными отношениями то коже» (Сборник приказов НКЛП, № 1 – 2. 1933 г.). «Приборы должны быть вывешены на видных и удобных для беспрепятственного в нужных случаях подхода к ним местах» (Сборник Ленсовета № 21) (Цит.: 22, с. 17).

«Отклонения от норм русского литературного языка, которыми грешит наш современный (в частности официальный) язык, характерны именно тем, что они не являются необходимыми или важными ни для одной языковой функции – «ни для общения, ни для называния», - писал Вл.Соколов (25, с. 55).

«Недостатки языка были не только в отдельных фрагментарных актах, но и в кодексах», - отмечал А.А.Ушаков и приводил примеры статей Уголовного кодекса РСФСР 1926, Гражданского кодекса 1922 года, Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 года и т.д. (14, с. 41 – 42).

Одним из самых обсуждаемых в периодической печати того времени оставался вопрос об отношении к иностранной терминологии в текстах законов. Использование их с «чувством меры» составляло часть общей проблемы – борьбы за чистоту законодательного языка, в целом – борьбы за общую культуру языка. Авторы критических статей осознавали сложность работы по редакции текста закона, требующей от тех, кто ею занят, не только юридических знаний, но и хорошего знания языка.

Почти в каждой статье, посвящённой языку закона, приводились примеры чрезмерного увлечения авторов нормативных актов «малопонятными» заимствованными словами. Однако критерии законодательной техники подтверждали нецелесообразность и исключительную сложность полного изгнания из юридического языка иностранных слов. Об этом писал Вл.Соколов в приведённой выше статье: «Наши официальные тексты должны отвечать требованиям самой высокой культуры языка, при которой предельная доступность речи сочетается с максимальной её живостью и выразительностью, с одной стороны, и строжайшей точностью с другой» (25, с. 5).

Резкое сокращение количества иностранных слов, обеспечивавших терминологическую точность законодательных текстов со стороны некоторых авторов, не могло не отразиться на их качестве. «Нельзя без жесткого ущерба для экономии речи и средств заменять общепринятый термин *акцепт* описательным выражением «письменное соглашение обещанного по переводному векселю третьего лица произвести его оплату», - указывалось в статье И.Ильинского «Советское строительство» (18, с. 80).

Активно проводились и практические меры по повышению качества законодательных текстов. Так, отделу массовой работы Ленсовета было поручено изучить язык советских законов с целью оказания помощи в изложении юридических документов простым и понятным для масс языком. В специальном постановлении СНК СССР от 9 октября 1928 года было предложено «не допускать расплывчатости формулирования, добиться изложения протестов в ясной и популярной форме» (14, с. 4). Создавались научно-методические кабинеты, состоявшие из юристов и филологов. При Президиуме ЦИК СССР в начале 30-х годов была образована специальная комиссия по изучению и улучшению языка советских законов, в которую, наряду с юристами, вошли лингвисты и литературоведы (14, с. 9).

Важнейшее требование к языку закона – точность изложения, обусловленная главным образом «правильным выбором терминов», не всегда совмещалось с доступностью и ясностью содержания закона. На это достаточно противоречивое свойство языка закона указывал в своё время известный русский правовед Н.И.Таганцев: «Язык закона очень часто бывает литературно тяжёлым, но его громадное преимущество в точности и определённости» (10, с. 398).

Достижению точности языка советского закона, который был предусмотрен быть «безупречно грамотным, чётким, ясным, не выражающим никаких сомнений», препятствовали разные факторы, например, «уснащение трафаретными и совершенно лишними выражениями – «в деле», «в области», «по линии», «в целях» и др., неправильное использование таких слов и выражений, как «проработать», «удельный вес», «соревновать» (24, с. 17). Отсутствие чёткости в изложении закона нередко определялось расплывчатостью и недифференцированностью значений специальных терминов: *земля, товарищ, хозяин* и др.

Серьёзный ущерб адекватному толкованию и восприятию нормативных актов наносили и преднамеренные замены со стороны создателей законов установившихся терминов, как несоответствующих революционной идеологии, описательными выражениями. «В основу всего уголовного права положена идея не воздаяния – возмездия, а идея целесообразности», - писал М.Исаев в своём комментарии к «Декларативным статьям уголовного кодекса» (19, с. 25). Так, вместо терминов *наказание* и *кара* – «меры социальной защиты», под которыми авторы революционных законов понимали «меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего» (26, с. 72).

В «Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик» (1919 – 1924 гг.) указывалось, что законодательство «задач возмездия и кары не ставит, но тем не менее элементы возмездия имеют место в мерах социальной защиты судебно-исправительного характера». Это были меры, которые ранее «именовались наказаниями». Среди «мер социальной защиты» в статье В.Ширяева, посвящённой эволюции советского уголовного законодательства, приводились «меры медицинского характера, перечисляемые в «Основных началах»: меры медико-педагогического характера», «меры судебно-исправительного характера» (26, с. 78)¹.

¹ Проект уголовного кодекса 1937 г. возвращается к термину *наказание*: «политически советское наказание преследует цели подавления сопротивления, оказываемого социалистическому строительству классово-враждебными элементами, и воспитания и укрепления социалистических дисциплин среди трудящихся» (Крыленко. К критике недавнего прошлого // Советская юстиция, 1937, № 16, с. 6).

Переименование правовых терминов мотивировалось идеей целесообразности «правовой защиты», лежащей в основе нового уголовного права и отказом «от некоторых устарелых понятий, характерных для отмирающей юридической надстройки», - отмечал Н.В.Крыленко (21, с. 197).

Составители новых законов считали устаревшими и чуждыми новой идеологии такие термины, как *преступление* (заменён термином «социально-опасное или вредное действие»), *преступник* («социально-опасный элемент») и некоторые другие, как «кара», «наказание», «вменяемость», перешедшие в уголовный кодекс от старого буржуазного права. В уголовном законодательстве отказались и от терминов *вина*, *умысел*, *неосторожность*, как «не отвечающих принципам революционного сознания», - писал М.Презент (22, с. 52). «Уголовное законодательство полнее, чем какая-либо другая отрасль законодательства отражает существующий строй», - указывалось в статье В.Ширяева «Право и жизнь» (26, с. 72).

Были выведены из употребления некоторые термины гражданского права – *аренда*, *купля*, *продажа*, *собственность* и др. (6, 10).

Прозрачности и доступности языка законов мешали, как отмечалось в периодической печати, не только «мучительно канцелярский стиль», но и «тяжёлые новообразования и сокращения» - *сверхнормативные остатки*, *канализуемые владения*, *фондируемые продукты*, *дензаготовители*, *рацминимум*, *пожохрана* и др. Вместе с тем некоторые из таких образований позднее укоренились в языке официальных документов: *вверенный*, *вышеприведённый*, *затоваривание*, *запчасти*, *студгородок*, *трудоустрой-ство*, *пришкольный*, *ВТЭК* и др.

Недостатки языка нормативных актов, широко обсуждаемые в послереволюционные десятилетия, становились предметом пародирования и сатирического осмеяния. «Термины такого словотворчества немедленно находят отражение в юмористических журналах», - писали авторы статей о языке закона (23, с. 140).

Исследования по языку права сформировались в 70 – 80-е гг. XX в. в самостоятельную научную дисциплину – правовую лингвистику, в центре внимания которой – проблема языка нормативных документов. Изменяются форма и содержание законодательных актов, не остаются неизменёнными и требования, предъявляемые к языковому законодательству.

Чёткость, выражающаяся в точности и чистоте словоупотребления, лаконизм, не нарушающий информационной целостности, «красота» юридического текста продолжают оставаться главными критериями языка закона. Улучшение языка и совершенствование стиля нормативных документов, достигаемые совместными усилиями юристов и лингвистов, способствуют повышению качества правового регулирования общественных отношений.

Литература:

1. Власенко Н.А. Язык права. М., 2018.
2. Грановская Л.М. Русская лексика времён Гражданской войны 1918 – 1921. Баку, 2018.
3. Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986.
4. Крысин А.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.
5. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.
6. Пиголкин А.С. Язык закона. М., 1990
7. Пухта Г. Курс римского гражданского права. Т. 1. М., 1874.
8. Савицкий Б.М. Язык процессуального закона // Вопросы терминологии. М., 1987.
9. Селищев А.М. Революция и язык // Избранные труды. М., 1968.
10. Таганцев Н.И. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. СПб., 1902.
11. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.И.Ушакова. Т. I – IV. М., 1935 – 1940.
12. Утевский Б.С. Воспоминания юриста. М., 1989.
13. Ушаков А.А. Очерки законодательной стилистики. Пермь, 1967.
14. Ушаков А.А. Язык советского закона // Русская речь, 1968, № 1, с. 40 – 43.

Статьи из периодической печати

15. Борисова Т.Ю. Революционное законодательство в 1917 – 1918 гг. Выбор языка // НЛЮ, 2011, № 2.
16. Винавер Ал. Законодательная техника // Право и жизнь, кн. 2 – 3, М., 1926.
17. Елизаров И.. Как писать законы // Советская юстиция, 1926, № 7.
18. Ильинский И. Язык закона // Советское строительство, 1927, № 8 – 9.